

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

Художник Надя Рушева (1952–1969)

Крым. Судак. 1964

Космический вернисаж

Это было в январе 1975 года. Вся страна ежедневно получала новости с орбитальной станции. Военный летчик Алексей Губарев и ученый Георгий Гречко на глазах телезрителей совершали подвиг: рекордный по продолжительности полет. Никогда прежде исследовательская работа на орбите не была столь насыщенной и успешной. У космонавтов не было ни одной лишней свободной минутки. Но день 31 января в дневнике Георгия Гречко был помечен буквой «М». Дело в том, что это — день рождения Нади Рушевой. Самой Нади уже не было в живых. Но ее рисунок — большеглазый отважный Мальчиш Кибальчиш — Гречко взял в полет. Он еще на Земле наметил: в день рождения Нади покажу всему миру ее Мальчиша и расскажу о художнице. Георгий Михайлович еще не был космонавтом, когда он приметил в журнале «Юность» первую публикацию Нади. Он бывал на ее выставках, выстаивая очереди под дождем. А потом ужаснулся, узнав о смерти необыкновенной девочки... Перед полетом он посетил родителей Нади и выбрал для полета удивительный портрет Мальчиша, в котором в нескольких линиях фломастера виден характер, видна эмоция художника и идея писателя... И когда в тот самый день программа «Время» показала сеанс телесвязи с орбитальной станцией, Георгий Гречко показал рисунок и отдал дань памяти Наде. Так состоялся первый в истории космический вернисаж! Его не вырвать топором из истории. Триумф! Но и трагедия: ведь космический успех пришел к юной художнице посмертно.

Приземление экипажа Губарев — Гречко было нештатным, их болтало по целинной степи. Вместе с космонавтами перенес все опасности жесткой посадки и Надин Мальчиш — неустрашимый и добрый парень.

В панельном районе...

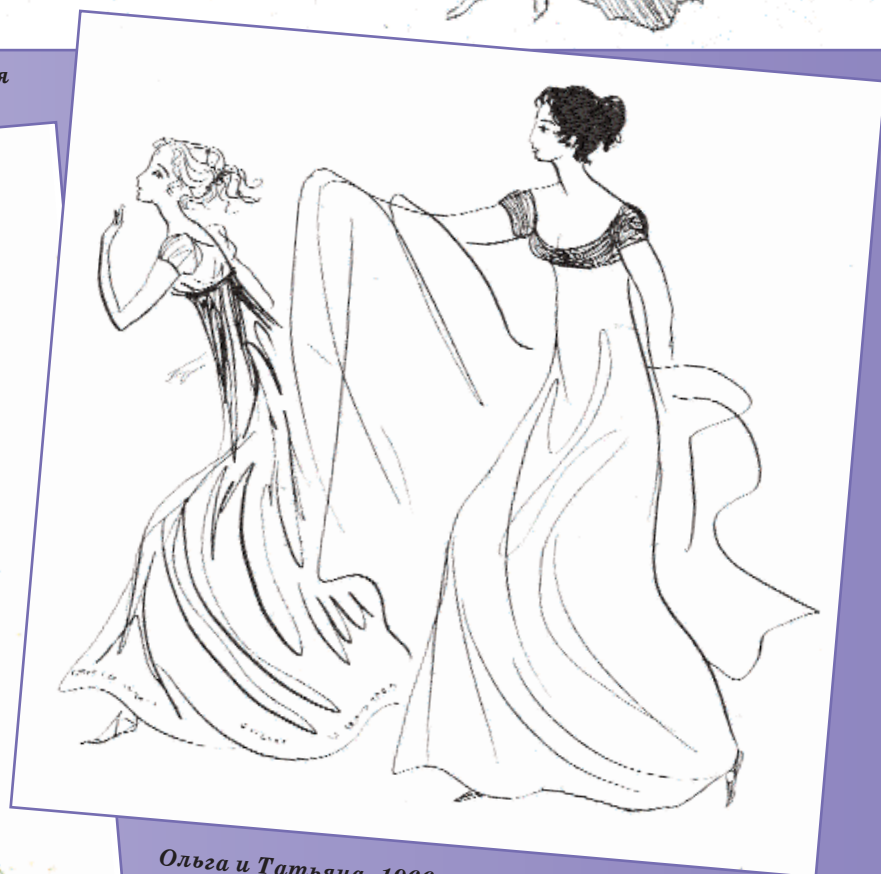
Пожалуй, это самая грустная из московских сказок. Впрочем, дети 60-х годов хорошо знали, что сказки бывают грустными. На своих раскладных кушетках в типовых квартирах опрятных пятиэтажек они читали Андерсена и Гайдара. Девчонки играли в куклы, которые не были сухощавыми, как Барби, но умели произносить слово «Мама», а еще — превращаться в добрых подружек и сказочных принцесс. Мальчишки водили в бой солдатиков. И не было более стойких героев, чем раскрашенные и выцветшие металлические «кремлевские часовые» в шинелях и буденовках. Старшие говорили, что в новых «панельных» районах дворы «не те», «не тот боржом», вот в старых кварталах, в каменных мешках и скверах — вот там было раздолье для детских ватаг. А все-таки беспорядочные, холмистые, лесистые дворы спальных окраин 60-х были прекрасны! С двух часов дня, когда заканчивались уроки, и примерно до пяти часов, когда со службы начинали возвращаться взрослые, эти районы принадлежали детям. Стойкие солдатики и сказочные принцессы, одетые в школьную форму, то чинно прохаживались, то играли в футбол, в салки и прятки. Зимой во дворах возникали снежные бабы, а о деревянные бортики громко стучали шайбы. Это был не виртуальный мир со своими интригами и подвигами, с великодушием и

Королева, король, Гамлет и Офелия, потерявшая рассудок. 1967

Сизу за решеткой. Вариант. 1968

Ольга и Татьяна. 1966

хитростью, с открытиями и разочарованиями. Славный справедливый мир в декорациях белых пятиэтажек с палисадниками. Вровень с «хрущевками» вставали деревья. Рядом подрастали и десятиэтажные башни — белые и желтоватые коробки.

К чему эти присказки про город 60-х? Да просто я уверен, что талант Нади Рушевой мог и должен был раскрыться только в третьей четверти XX века и только в панельном городе, таком, как окраинная Москва!

Тысячи девочек в школьных тетрадках и блокнотах рисовали чьи-то романтические профили, рисовали дам в огромных старинных платьях, стройных балерин. И должен был появиться кто-то самый одаренный и одухотворенный, кто превратил бы эти рисунки в искусство, кто показал бы самое прекрасное, что зацветало в душах этих девчонок... Для этого нужно усилие души, сравнимое с подвигом космонавта. Это сумела сделать хрупкая девочка.

В годы войны, в годы послевоенных невзгод в цене были суровость, стойческое терпение, практицизм, эпическое отношение к жизни и смерти. После этого закономерно настало время советского сентиментализма. Новая эпоха отвергала железный порядок, восхищалась мечтательностью ученого, поэта, художника — физика и лирика. Преклонялась перед талантами, училась видеть в ребенке личность. Выяснилось, что человек прекрасен не только великими свершениями, но и высокими чувствами. Реабилитировали сентиментальность. Когда Илья Эренбург выступил с тезисом: «Человеку и в космосе нужна ветка сирени!» — даже самый угрюмый из секретарей ЦК, М.А.Суслов, оттаял: «Спасибо, что заступились за ветку сирени!» Вот и Георгию Гречко в космосе понадобилось искусство Нади — свежее, как майская сирень. И он отстаивал свое право на «ветку сирени», хотя до «космического вернисажа» многие коллеги пожимали плечами: что за блажь — брать в космос рисунок?

...Мир Нади — московский район Царицыно, носивший тогда архисоветские названия — Ленино, Пролетарский район. Парк, живописные развалины екатерининского барокко и новостройки. Невзрачные, но благородные, как честная трудовая копейка. Утонченное искусство, прозрения, поэзия — все это за панельными стенами расцветало вольнее, чем в куртуазных усадьбах. Из окон царицынской новостройки можно было увидеть и героев Пушкина, и мистерии Булгакова, и правду о

ленинградской блокаде. Только нужно то самое усилие души.

В таких же новостройках жила героиня кукольного мультфильма «Варежка», который почему-то то и дело вспоминается, когда мы рассматриваем рисунки Нади Рушевой — и не только тот, где изображена девушка с собакой. В этом мультфильме 1967 года — доброта, наивность и мудрость все той же третьей четверти века. Талант Рушевой в 1967-м расцветал — под сентиментальные фортепьянные марши из «Варежки», под размышления о «Мастере и Маргарите». Журнал «Москва» с булгаковским романом был в библиотеке нарасхват, на него нужно было записываться. Не рано ли Наде читать эту книгу? Там и эротизм, и безысходность, и нежелательные для комсомольцев религиозные мотивы... А у нее получилась целомудренная и точная трактовка романа.

Надя быстро читала и быстро проникалась искусством. Ее душа была готова к сильным художественным впечатлениям. Была способна выдерживать их и превратить в образ. Наверное, это и есть гениальность. Первая публикация в двенадцать лет — и громкий успех. И снова не уйти от разговора об эпохе, потому что это как-никак журнал «Юность», без которого третью треть советского XX века и представить-то невозможно! Надя была читателем журнала — и стала его автором. Первая выставка тоже случилась в «Юности». Успех! А где же конфликт горделивого юного гения с беспощадным коллективом, с рутинерами-учителями? Не было ни горделивого гения, ни конфликта. Родители Нади — служители искусства, а не богемные повесы. Они на редкость мудро воспитали Надю: она не стала записной знаменитостью, умела быть дерзкой в работе и незаносчивой с ровесниками... В те годы всех учили скромности — в семье и в школе. Но искушение медными трубами выдерживали немногие, особенно в юности.

Надя остро чувствовала свою эпоху. Она была современницей Гагарина, Сухомлинского, Образцова. И это не случайный перечень блистательных имен. Фломастер — это тоже символ 60-х годов. Ценная вещица по тем временам!

Один из ее рисунков называется «Модники на Калининском проспекте». Там нет Калининского проспекта, есть только модники, преподнесенные с иронией. Но архитектурный символ Москвы 60-х здесь необходим, он многое объясняет! Это метка времени, перекресток смыслов.

Сегодняшний день воспринимался как стартовая площадка для чего-то лучшего, для мечты.

«Я работаю для будущих людей». Больно, стыдно нам читать эти слова Нади. Из нас не получилось «будущих людей», достойных творчества Рушевой. Желтый дьявол и его собратья другой расцветки оказались сильнее. Корыстолюбие и мелкое тщеславие оттеснили на задворки тех, кто, как Надя, «горел дотла» и считал, что нельзя жить «только для себя». Но разве можно верить, что так будет всегда?

Пьер Безухов и Мальчиш Кибальчиш

Саму Надю воспринимали как человека из будущего. Из светлого Завтра, которое будут населять одухотворенные творцы. В подтексте восторженных слов о Наде звучало: такие будут при коммунизме. Миллионы людей полюбили ее без всякой «фабрики звезд», потому что увидели в Наде, на что будут способны наши дети и внуки в «светлом будущем». Важно, что при этом Надя была далека от стереотипов, от конъюнктуры, от шаблонов, в том числе и от советских шаблонов. Долой шаблоны! Зато все высокое, светлое, что создавала в людях советская власть, возникало на кончике Надиного фломастера...

Мальчиш

Русская советская цивилизация была литературоцентричной. Сегодня это ушло, рассеялось, теперь наша русская классика от нынешних школьников дальше, чем античность... А в Надины времена про Древнюю Грецию школьники узнавали не из компьютерных игр, а из отменных пересказов Куна, Каллистова и Лурье. Их не только отличники читали. А уж Пушкин и вовсе был религией читающей России. Надя работала и с греческими мифами, и с Экзюпери, и с Шекспиром... Она была первым иллюстратором «Мастера и Маргариты». Пожалуй, сильнее всех художников на нее повлиял Пушкин — не только поэт, но и рисовальщик. Рисунки Нади Рушевой подходили и к Пушкину, и к пушкинистике. Пушкин Рушевой впорхнул в серьезные книги о поэте. Она мечтала работать в мультипликации — а мультфильм тоже начинается с книги, со сценария...

Она из того времени, когда читать умели так, как никогда ни до, ни после. И дети порой не уступали взрослым в читательской одержимости. Дети бывали изысканными читателями! Откроем дневник Николая Рушева, отца: «Сегодня Надя рассказала нам о споре. На перемене между уроками она спросила своего учителя по литературе Николая Петровича Ярмольского: «Кто из героев прекраснее — князь Андрей или Пьер?» Николай Петрович, вернувшийся с Великой Отечественной войны в чине старшего лейтенанта в орденах, ответил, что его идеалом всегда был князь Андрей. Надя возражала: «Какой же он герой, если отец запретил ему жениться, если он подверг любимую Наташу годичному испытанию и при первой же ошибке вернул ее письма... Это не по-рыцарски. Он храбр, но это долг каждого солдата. А вот Пьер — он герой. Никто не призывал его на Бородинское сражение, в самое пекло, на батарею Раевского! Никто не упрашивал его спасти ребенка из огня и женщину от грабителя-француза. За это он под расстрел угодил... И когда Наташе было очень плохо, то он один ее поддержал...» Она умела думать о литературе всерьез. И в этом главная причина обыкновенного чуда Нади.

Мы видим типовую школу из двух корпусов — в такой преподавал историю Илья Семенович Мельников в фильме «Доживем до понедельника». Здесь Надя училась, а теперь школа носит имя Нади Рушевой. Сюда Надя собиралась, с вечера выгладив школьную форму. У нас возник стереотип: музеи должны располагаться в особняках с колоннами и лепниной. Но искусство рождается и живет и в типовых кварталах. И ему там хорошо

дышится, если у детей горят глаза. Поэтому школьный музей Нади уникален и необходим. В музее работают люди, не умеющие мыслить приземлено. Надя научила их воспринимать мир как чудо, как ежедневное открытие. Такова Наталия Владимировна Усенко. Музей для нее — не должностная обязанность, а творчество и чудотворство. Она больше всех сделала для того, чтобы искусство Нади Рушевой перешло в XXI век. Для этого каждый день приходится взламывать ледяное равнодушие — напасть нашего пресыщенного времени.

В музее сотни рисунков Нади — подлинники и копии. Под портретом Мальчиша — автограф космонавта. Тридцать лет назад Георгий Гречко написал эти слова: «Дорогие ребята! Творчество Нади Рушевой пленило меня еще тогда, когда она была ученицей вашей школы. Мальчиш-Кибальчиш Аркадия Гайдара и Нади стал поэтому нашим спутником в космическом полете. Пусть и для вас станут примером смелость, верность Мальчиша и неустанное творческое горение Нади!»

В рушевской школе умеют беречь исторические реликвии. С каждым десятилетием они становятся все важнее для нас, как память о тех людях, которые были светлее нас, выше взлетали, сгорали — и согревали... Их тепла хватит надолго, если мы про них не забудем. В Надином детстве все школьники бывали во МХАТе на «Синей птице» Метерлинка. «Когда мы вспоминаем о них — они оживают» — эти слова Метерлинка годятся для стенда рушевского музея.

Мы окружены синтезаторной музыкой и компьютерной живописью. В мире фотошопа особенно остро ощущается уникальность таланта Нади Рушевой. Там — работа души, прозрение, там рука, в которой пульсирует жизнь. Человек, а не компьютер! Человек книги, а не Интернета...

Если бы...

Третья четверть XX века... Прошли годы, между нами и той эпохой пролегла академическая дистанция, и лучшие художники, музыканты, писатели того времени превращаются в классиков, то есть в наших вечных современников. Нам еще дол-

Гамлет

го предстоит разгадывать это время, о котором приходится грустно вздыхать: «Если бы...» Никогда взлеты и падения не соседствовали так близко! Первый шаг в космос — и гибель в обыкновенном тренировочном полете... Великое оказывается хрупким. Что это — гибель нибелунгов? Если бы все сложилось иначе! Вот уж действительно: «Только бы нам ночь простоять да день продержаться»... Мы не продержались, и рушевский Мальчиш с годами стал грустнее. Смерть в семнадцать лет — что может быть трагичнее для родных и близких? Смерть Нади

Рушевой всех нас сделала беднее. Прошло тридцать лет и три года, и сегодня яснее, чем прежде, что с уходом таких светящихся, зажженных людей, как Надя, мы потеряли мечту. И все-таки когда-нибудь рисунки Нади снова оживут, снова станут необходимыми для тысяч равнодушных людей. Надежду дает нам лучший московский школьный музей. Между прочим, таков и девиз музея — «Надежда есть!».

Иван Бездомный входит в МОССОЛИТ. 1968